

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ГАЗЕТА «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО БАМЛАГА» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ ГУЛАГА

© 2022 г. Т.Е. Смыковская

*Благовещенский государственный педагогический
университет, Благовещенск, Россия*

Дата поступления статьи: 31 января 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 25 февраля 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-494-507>

Аннотация: Статья посвящена исследованию художественно-публицистического материала, который печатался на страницах газеты «Литература и искусство БАМлага». Она являлась органом прессы одного из крупнейших подразделений ГУЛАГа, БАМлага, располагавшегося с 1932 по 1938 гг. на территории современной Амурской области. БАМлаг прежде всего отвечал за возведение «вторых путей», так в те годы именовали Байкало-Амурскую магистраль. В статье «Литература и искусство БАМлага» представлена как явление уникальное. Во-первых, она стала единственной литературной газетой ГУЛАГа, поэтому дает особое представление о специфике функционирования художественного слова в системе закрытых исправительно-трудовых лагерей советского государства. Во-вторых, представляет мотивно-образный комплекс, уточняющий многие темы, поднимавшиеся на страницах неспециализированной лагерной периодики. В публикации получают освещение ключевые тематические модули и образные структуры, востребованные средой Байкало-Амурского ИТЛ. Литературная газета БАМлага была призвана конкретизировать производственно-стахановский содержательный кластер и заострить внимание на объектах местного, амурского, железнодорожного строительства, возвычить «вторые пути» и ударников лагерного труда. В газете разворачивался стержневой комплекс всей гулаговской литературы, перевоспитание заключенного, акцентировалась национальная идея братства народов страны Советов. Статья включает ранее не представленные в научном дискурсе художественно-публицистические источники.

Ключевые слова: газета «Литература и искусство БАМлага», официальная лагерная поэзия, стахановский мотив, образ ударника, тема «перековки» заключенного, производственный очерк.

Информация об авторе: Татьяна Евгеньевна Смыковская — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет, ул. Ленина, д. 104, 675000 г. Благовещенск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3800-0239>

E-mail: tarkatova@yahoo.com

Для цитирования: Смыковская Т.Е. Газета «Литература и искусство БАМлага» как литературный прецедент ГУЛАГа // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 494–507. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-494-507>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

THE NEWSPAPER “LITERATURE AND ART OF BAMLAG” AS A LITERARY PRECEDENT OF THE GULAG

© 2022. Tatyana Ye. Smykovskaya
*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk, Russia*
Received: January 31, 2021
Approved after reviewing: February 25, 2021
Date of publication: March 25, 2022

Abstract: The article is devoted to artistic and publicistic material that was published on the pages of the newspaper “Literature and Art of the BAMLAG.” It belonged to one of the largest divisions of the Gulag — BAMLAG prison camp, located from 1932 to 1938 on the territory of the modern Amur region. BAMLAG was responsible for the construction of Baikal-Amur railway or “the second rails”. The article introduces the newspaper “Literature and Art of the BAMLAG” as a unique phenomenon. Firstly, it is the only literary newspaper of the Gulag and, therefore, illustrates how the artistic language functioned within the system of the Soviet closed prison camps. Secondly, the newspaper’s imaginative and motif structure clarifies numerous themes that were touched on the pages of Gulag periodicals targeted at the mass audience. Publication covers the key themes and images that were popular among the environment of the Baikal-Amur prison camp. The newspaper aimed at elaborating on *Stakhanovites* theme, putting attention on the objects of Amur railway construction, glorifying the “second rails” and the exemplary labor. The newspaper focused on the key idea of the entire Gulag literature: the “remolding” of the prisoners and the national idea of Soviet Republics’ brotherhood. The article presents previously unstudied artistic and publicistic sources.

Keywords: newspaper “Literature and Art of Bamlag”, official camp poetry, stakhanovites motif, the image of exemplary labor, the theme of remolding of the prisoners, propaganda journalism about production.

Information about the author: Tatyana Ye. Smykovskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Lenina St., 104, 675000 Blagoveshchensk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3800-0239>

E-mail: tarkatova@yahoo.com

For citation: Smykovskaya, T.Ye. “The Newspaper “Literature and Art of Bamlag” as a Literary Precedent of the GULAG.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 494–507. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-494-507>

История литературных газет в России ведет отсчет от 1 января 1830 г., когда впервые увидела свет «Литературная газета», редактируемая А. Дельвигом. Она, просуществовав до 30 июня 1831 г., вследствие политической цензуры была закрыта. Ее работа возобновилась в 1840 г. и длилась в течение девяти лет. Вторым днем рождения «Литературной газеты» считается 22 апреля 1929 г., когда издание по инициативе М. Горького стало печататься в качестве органа Федерации объединений советских писателей. Идея Горького создать специализированную литературную газету нашла отклик и в ГУЛАГе, получив воплощение в Байкало-Амурском ИТЛ¹. В 1936 г. приложением к главной газете БАМлага «Строитель БАМа» [2] начала выпускаться небольшая газета «Литература и искусство БАМлага». Коллекция прессы ГУЛАГа, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации, содержит лишь одну литературную газету². Следовательно, «Литература и искусство БАМлага» — уникальный документ, дающий представление о специфике «культурной» жизни исправительно-трудовых лагерей СССР.

Цель статьи — дать общее представление о газете «Литература и искусство БАМлага», рассмотреть литературно-публицистические тексты, появлявшиеся на ее страницах, обозначить их тематическую парадигму и образно-мотивное своеобразие. Новизна заключается в объекте анали-

1 Байкало-Амурский ИТЛ (БАМлаг) основан в 1932 г. и являлся одним из самых крупных подразделений ГУЛАГа. Управление лагеря располагалось в городе Свободный (территория современной Амурской области).

2 Цитируемые в статье газеты входят в состав электронного архивного собрания «The GULAG Press, 1920–1937», оцифрованного по заказу International Institute for Social history (IISH) Amsterdam (IDS). С данной коллекцией автор статьи работал в University of Illinois at Urbana-Champaign Slavic and European Library.

за, поскольку данная газета прежде не попадала в поле зрения литературоведов. Актуальность материала связывается с расширением границ русской словесности второй половины XX столетия, с углублением понятий «лагерная литература» и «лагерная пресса», с проникновением в специфику бытования художественного слова в условиях закрытой пенитенциарной системы.

Появление профильной, литературной, газеты в БАМлаге обусловлено рядом причин. Во-первых, большим количеством авторов, желающих поучаствовать в воспитательно-«просветительской» работе свободненского лагеря: «Несмотря на то, что помимо вселагерной газеты выходят журнал “Путеармеец”³, библиотека “Строителя БАМа”⁴ и репертуарный бюллетень, — их страницы уже не вмещают взволнованного, вдохновенного великой стройкой творчества путеармейских масс» [6, с. 1]. Во-вторых, новая газета демонстрировала колоссальную значимость печати в деле обширной официальной пропаганды, показывала общность и согласие с советскими политико-культурными установками. Так, связь со своим прототипом, «Литературной газетой», обозначалась по-разному: многочисленными ссылками на авторитетное мнение Горького, а также на материалы, публиковавшиеся в главной литературной газете страны [13].

Однако основная цель приложения «Строителя БАМа» — расширение сферы идеологического воздействия на заключенных, создание «благоприятного» трудового климата в фалангах. С помощью литературной газеты начальство ГУЛАГа стремилось подчеркнуть, что лагерники не лишены полноценной жизни, они полноправные граждане советского государства. Помимо этого в самом издании говорилось, что оно призвано «организовать путеармейцев не только для производственных побед, но и для решающих и последних боев с преступными навыками прошлого» [6, с. 1]. Более того «Литература и искусство БАМлага» должна была «оперативно и планомерно руководить творческим ростом путеармейцев», «осуществлять задачу <...> гибкого и быстрого включения творческих сил на каждое мероприятие, проводимое строительством вторых путей»⁵: «И перо писателя, и кисть художника, и музыкальный инструмент артиста, направленные партийной

3 Так в БАМлаге называли строителей Байкало-Амурской магистрали.

4 Серия художественно-публицистических брошюр, выпускавшихся в БАМлаге.

5 «Вторыми путями» в БАМлаге именовали Байкало-Амурскую магистраль.

рукой чекиста, — все это мощные и необходимые орудия для скорейшего достижения общей цели» [6, с. 1]. Ставились и исключительно «художественные» задачи: «Авторские коллективы в своей работе должны овладеть методом социалистического реализма в упорной борьбе с натурализмом, формализмом и вульгаризмом» [12, с. 1].

Газета состояла из двух полос. Первый разворот обычно заявлял о каком-либо событии (окончании строительства моста, трудовом подвиге фаланги, писательском юбилее, принятии конституции и др.), которое задавало тон выпуску. Литературный материал, печатавшийся в основном на второй странице, чаще всего связывался с главной темой номера, в разных родовых формах оттенял ее. Вторая полоса могла быть и сугубо литературной, если включала произведения какого-либо советского писателя, заметку о нем. Так, один из номеров «Литературы и искусства БАМлага» содержал сведения о В. Маяковском и отрывок из поэмы «Хорошо» (1927).

Ключевая цель «Литературы и искусства БАМлага» — конкретизация содержательных линий официального лагерного творчества⁶. Редакция газеты, оставаясь в рамках установленной культурно-воспитательным отделом лагеря тематической парадигмы (прославление «вторых путей», *перековка*⁷, воспевание стахановца и др.), призывала детализировать сложившуюся смысловую модель. Так, возвеличивание бамлаговского строительства предлагалось разбить на три содержательных составляющих. Первое — изображение важнейших производственных объектов: Сководинского узла, водопровода в Уруше, Зейского моста, Биробиджанского вокзала и др. Второе — создание образа героя, но «не единичные примеры проявленного героизма, а планомерно и систематически проводимая идея честного, доблестного, героического отношения к окружающей дей-

6 Литература БАМлага — явление широкое и уникальное, в ней выделяются три пласта. Первую, самую многочисленную, группу составляют литераторы, чьи творческие устремления были подчинены соцреалистическим канонам, за соблюдением которых в лагере неусыпно следил культурно-воспитательный отдел (официальная литература БАМлага). Второй, наиболее противоречивый и неоднозначный, пласт составили литераторы, внутренне не принимавшие тоталитарную систему, но в силу разных причин вынужденные приспосабливаться к лагерной действительности. Почти все они писали до заключения, а многие выросли на традициях Серебряного века. Третий пласт составляют авторы, скрывавшие свое творчество. Самыми «известными» произведениями такого рода являются роман А.И. Цветаевой «Апог» (1939–1941; 1972) и неоконченная поэма П.А. Флоренского «Оро» (1934–1937).

7 Перевоспитание заключенного.

ствительности во всех ее областях и организации ее с максимальной общественной пользой» [10, с. 1]. Третий постулат гласил: «Художественное отображение завершающего периода строительства, периода смотра стахановских сил» [10, с. 1]. Чаще всего данные тематические узлы соединялись в одном произведении. Главенствующим жанром здесь стал публицистический очерк, в котором незатейливо повествовалось о героизме на решающих точках строительства: «Стахановцы Зеи» (1936) [15], «Сковородинская машина» (1936) [14], «День в стахановской фаланге» (1936) [4] и др. Очерк благодаря идеологической направленности, социальной детерминированности, документальности и отсутствию острого конфликта оказался весьма удобной жанровой формой для гулаговской литературы.

Следующая тема, которую предстояло углублять и прорабатывать, — «развитие Дальневосточного края (ДВК)» [10, с. 1]. В «Строителе БАМа» она была представлена частично. В «Литературе и искусстве БАМлага» предлагалось рассказывать об истории и экономике края, росте национальной культуры населяющих его народов, а также об обороне советских границ на дальневосточных рубежах. Зачастую местная географическая и историческая специфика отражалась поверхностно. В произведения вводились ландшафтные номинации, бытующие лишь на Дальнем Востоке: «Весна возвратилась! / По сопкам / бежит торопливо в тайгу, / зеленым, веселым оком / оглядываясь на бегу» [3, с. 1]. Сопка становится главным отличительным знаком амурского топоса. Задача путеармейца, прокладывающего пути, ее разрушить: «<<...> бамовцы твердо идут, — / сопки круша и тайгу раздвигая, / путь к океану ведут» [7, с. 1]. Излюбленным приемом было употребление топонима: «На Зее» (1936) В. Зуммера, «Праздник на Зее» (1936) Л. Дмитриева и др. В подавляющем большинстве название природного объекта служило фоном: «Застыла холодная Зея, / но в долгие зимние ночи / под лед опускались люди / в глубокий и темный кессон. <...> / И вот мы их всех / вспоминаем, / и наша память острее, — / и громко звучит над Зеей / победное наше “ура”» [5, с. 1]. Эскизная обрисовка амурского пейзажа порождена несколькими факторами. Почти все авторы БАМлага не являлись дальневосточниками, сразу им было довольно сложно проникнуться природой Приамурья. Система ГУЛАГа строго следила за тем, чтобы заключенные отбывали наказание в неродных краях. Это лишало призрачной возможности встреч с родственниками и комфортных психологических

условий, внутреннего преимущества перед другими лагерниками. Вероятно, во многом и сами писатели свободненского ИТЛ не стремились отображать приамурский пейзаж, поскольку это не давало значительных преимуществ в глазах лагерного начальства. Тематический напор делался на пропаганду ударного труда, воспевание «вторых путей» и перевоспитание осужденных. Газета гласила: «Ведущей темой всех <...> произведений должна быть борьба за рост стахановских фаланг и превращение всего строительства в стахановское» [11, с. 1]. Само стихотворение, несмотря на бравурный пафос и название «Праздник на Зее», прочитывается как мартиролог. Эффект создается за счет обезличенного градационно-перечислительного ряда: кто делал → кто думал → кто не спал → кто сыпал и т. д. Возможно, автор пусть и в безыскусной агитационной манере желал донести до читателей мысль: жертв было много, их необходимо помнить.

Обязательна и традиционна для лагерной прессы тема *перековки*. «Литература и искусство БАМлага», разрабатывая содержательный блок, предлагала сфокусироваться на двух образах: тридцатипятника⁸ и кулака. Первый, по мысли издания, должен предстать в «возможности полного развития и применения всех своих способностей в социалистическом обществе» [10, с. 1]. Второго необходимо показывать «во всей глубине и сложности перестройки» [10, с. 1], в эволюции от бывшего вредителя и контрреволюционера до стахановца производства. Если в «Строителе БАМа» тема перевоспитания заключенного почти всегда была представлена поэтической формой, то в литературном приложении акцент смещается в сторону прозаической репрезентации. Ведущий жанр — публицистический очерк (реже рассказ), главный герой — лагерник, перерожденный с помощью художественного слова. В рассказе «Чарли Чаплин» (1936) А. Ковинько действуют два персонажа — повествователь-заключенный и его сосед по бараку тридцатипятник, имеющий прозвище Чарли Чаплин. Бывший вор, «очарованный юморесками» Гашека, каждый вечер просит читать так, чтобы слушатели «со смеху одежду на себе рвали» [9, с. 2]. Он заключает с повествователем дружеский договор: «Вышло у нас взаимное обязательство. Я работал по культуре, писал рассказы, а Чарли с бригадой овладевали искусством быстрой погрузки балласта» [9, с. 2]. Однако «кто-то разгадал»

8 Осужденный уголовно, по 35-й статье.

план, и повествователь был вынужден отказаться от творческой деятельности и выйти на общие работы: «Чарли просто заболел» [9, с. 2]. В результате назло врагам и завистникам тридцатипятиник решает выработать четыреста процентов и получает за них не только награду, но и скетч «Новые люди» о своей ударной работе. Образ бывшего уголовника Чарли полностью отвечал идеологической цели, обозначенной газетой. Он показан не просто стахановцем, а человеком, который тянется к знаниям и разбирается в творчестве. Следовательно, «Литература и искусство БАМлага» предлагала такой тип лагерного героя как «просвещенный тридцатипятиник». По-видимому, редакция газеты рассчитывала воспитать и некоего утопичного читателя. Авторы произведений, создавая подобных персонажей, желали подчеркнуть агитационную значимость художественного слова. Его способность идеологически воздействовать и проникать в разные жизненные сферы. Если в «вольных» газетах предпочитали повествовать о передовиках производства, то в гулаговских, в том числе «Литературе и искусстве БАМлага», стремились актуализировать антитезу ударник–отказчик и не вуалировать «кару», ожидавшую заключенного за невыполнение рабочей нормы.

Еще одна тема, требующая конкретизации, — национальная. На строительстве «вторых путей» трудились народы из разных уголков СССР. Их предполагалось изображать осваивающими «великую идею дружбы», а также «культуру национальную по форме, социалистическую по содержанию» [10, с. 1]. Мысль о гармоничном сосуществовании национала на территории советского государства сквозная в стихотворениях, посвященных новой Конституции: «Конституция» (1936) С. Федотова, «Новая Конституция» (1936) М. Кронгауза. В большинстве случаев произведения, отражающие данную тематику, основывались на противопоставлении прошлой несвободной жизни республик и счастливого настоящего, наступившего в результате революционных событий: «Талиб рассказывал, я тихо слушал: / Полвека подневольного труда... / Под азиатским, раскаленным небом / скотину пас, пахал, но никогда / нарядным, сытым и свободным не был. <...> / Но грянул из России ураган / и бая зашвырнул куда-то к черту!» [16, с. 2] Символ освобождения — шелковый халат, подаренный Талибу после торжества революции. Деталь актуализирует национальную специфику, подчеркивает грандиозность политических перемен (раньше такая вещь полагалась только баю), является знаком великого праздника справедливости, произошедшего на земле.

Лирический топос стихотворения схож со сказочным пространством. Прошлое, как чужеземное царство, страшно, но счастливое настоящее делает его уже иллюзорной, нереальной действительностью. Трансформация подчеркнута композиционно. Если первая часть произведения, описывающая рабское существование Талиба, представляет идиллическое описание сельской местности (расцветают абрикосы, сочные груши, загорелый виноград), то вторая — это городской благоустроенный пейзаж: «По городам твоей родной страны / в Москве и там, в Узбекистане жарком, / уже сейчас дворцы возведены, / колышутся невиданные парки. / И фонари в густые вечера / льют свет прямой в твоём Узбекистане» [16, с. 2]. Природное пространство преобразуется благодаря ударному труду. В первой части герой пассивен («медлительный философ»), он зависим от бая и природы, дающей ему спелые плоды. Старый Талиб не верит, что «неожиданное счастье» освобождения можно удержать надолго. В новом социалистическом обществе «тунеядцев нет», человек непрестанно в работе. Он инициативен и чрезмерно деятелен: пашет, сеет, строит, учится, поет славные песни: «<...> хлеб <...> лишь тому дадут, / кто трудится горячими руками» [16, с. 2]. Эпитет воплощает неутомимость, постоянную готовность к великому стахановскому подвигу. В целом, стихотворения о национале, в основу которых положен принцип антитезы (прошлое–настоящее, деревня–город), следуют схеме произведений о *перековке*. Обновление республик, страны, как и человека, возможно только в результате героических трудовых усилий.

Тематический корпус, предложенный «Литературой и искусством БАМлага», официально был призван разнообразить содержательные модулы лагерных текстов. Однако это создавало лишь видимость авторской свободы. В реальности тематическая детализация способствовала насаждению модели «идеального типа автора», предложенного соцреализмом: «Идеальный автор <...> никем и ничем не принуждаем, ему не надо искать мучительного компромисса между собственными интенциями и целями, продиктованными извне. <...> он всегда нуждается в авторитарном модуле для своего завершения. <...> он всегда чувствует себя персонажем, у которого есть настоящий Автор. <...> Идеальный тип пассивно монологичен, он не в силах специфицировать художественную реальность как автономную и самодостаточную. Теряя себя, автор утрачивает и способность к авторефлексии. / Идеальный автор — человек, лишенный бессознательных усилий,

тем более подавленных. Для него характерно недоверие собственной интуиции и опыту» [1, с. 25]. На воле до конца реализовать «идеальный тип авторства» представлялось проблематичным, в ГУЛАГе же из-за его закрытости и авторитарности данная концепция имела возможность почти полного претворения. Редакции бамлаговских газет строжайше регламентировали образы, темы и проблемы, которые должно затрагивать в произведениях. Это максимально закрепощало автора, превращало его в марионетку, механического исполнителя приказа.

На страницах «Литературы и искусства БАМлага», в противовес главной газете лагеря «Строителю БАМа», присутствовали драматические произведения. В основном это производственные пьесы небольшого объема, описывающие важные строительные объекты свободненского ИТЛ. Их особенность заключалась в разговорной стихии, организующей диалоги путеармейцев. Она позволяла заявлять нестандартные, порой опасные для лагеря темы. Так, в произведении «Песня труда» (1936) А. Ковинько строители моста упоминают о боге. Беседа, что характерно для 1930-х гг., движется в сатирическом, негативном ключе:

Староверцев (крестится). — Если богу будет угодно.

Власов. — Коли о боге заговорили, скажи ты мне, какой он из себя?

Староверцев. — Он невидимый, в трех ликах.

Власов. — Ну, а шея? Шея одна?

Староверцев. — На старости лет богохульником стал.

[8, с. 1]

По-видимому, такие обличающие фрагменты позволили назвать пьесу комедией. Автор, указывая на приверженность одного из путеармейцев вере, использует говорящую фамилию. Однако персонаж вводится не только с целью высмеивания. Староверцев, фиксируя причину неожиданного подмыва насыпи, произносит: «Грешим много. Церкву позабыли» [8, с. 1]. В контексте пьесы фраза не просто фиксирует наказание, ниспосланное природой за богохульные слова, а осмысливается как возмездие всем, кто оказался в лагере. При этом автор, не желая быть замеченным в политической крамоле, последующей репликой нивелирует философский смысл сказанного: «Я раз был. Подсвечник взял, дарохранительницу опустошил»

[8, с. 1]. Таким образом, происходит возвращение к идеолого-сатирическому освещению темы, а также показывается десакрализация пространства храма и предметов, связанных с религиозным культом.

Если в 1936 г. со страниц «Строителя БАМа» полностью исчезли фельетонные жанры⁹, то литературное приложение главной газеты свободненского ИТЛ попыталось сохранить сатирическую линию, представленную юмореской. Однако она лишалась остроты и ироничности, в большинстве вариантов носила развлекательный характер. Жанр, приспособившаяся к лагерной среде, утрачивал свои структурные признаки, подчинялся вне-литературным, внешним требованиям. Юмореска приобрела идеологическую окраску. Однако в сравнении с другими жанрами открытая пропаганда в юмористическом лагерном рассказе была ослаблена, в основном связывалась не с производственной, а культурно-воспитательной сферой. Так, в юмореске «Значок» (1936) И. Мороза смешным оказалось неумение путармейцев читать. Произведение имело цель показать: быть безграмотным в новом советском государстве анекдотично и абсурдно. В ИТЛ создаются благоприятные условия для эффективного самообразования.

«Литература и искусство БАМлага» явилась единственным образчиком литературной газеты в ГУЛАГе. Ее появление в БАМлаге прежде всего обусловлено разветвленной издательской деятельностью свободненского ИТЛ (особенно к 1936 г.), достаточным числом заинтересованных профессиональных и начинающих литераторов, отбывавших заключение в дальневосточном лагере. В сущности, «Литература и искусство БАМлага» представляла собой типично гулаговское издание, со страниц которого в большом количестве изливалась пропаганда ударнического труда, насаждалась стратегия *перековки* заключенного в стахановца, на все лады воспевались стройки ГУЛАГа. Однако редакция газеты стремилась продемонстрировать литературное своеобразие печатного органа. Главной его целью стало уточнение тематической парадигмы бамлаговского творчества. С одной стороны, предлагалось ее расширение (дальневосточный кластер, история национальных народов советского государства), с другой, детальная конкретизация существующих содержательных схем (освещение бамлаговского строительства, трудовое перевоспитание и др.). Данный

9 К 1936 г. руководство ГУЛАГа, по-видимому, осознало, что лагерная действительность критике не подлежит.

процесс оказался двояк: внешне он был призван тематически и проблемно разнообразить произведения, а внутренне еще более закрепить, нормировать лагерного автора.

Если в «Строителе БАМа» доминировала поэзия, то его литературное приложение старалось не обходить вниманием прозу. Несмотря на то, что лирический перекокс по-прежнему наличествовал, редакция газеты, открывшись прозаическим структурам (очерку, рассказу, юморески), продемонстрировала желание к более объемной жанровой репрезентации. Движение в сторону прозы показало, что, например, прославление строек БАМлага полнее реализовывалось в очерке (реже в рассказе). Жанр, по редакционной концепции, должен был вносить объективность, способствовать беспристрастному, всестороннему изображению коллективного труда, акцентировать массовость и масштабность строительства. Тематический монолит всего гулаговского творчества, *перековка*, в литературной бамлаговской газете также постепенно перетекал в прозаическую форму очерка, которая позволяла не просто поэтически воспеть, экспрессивно зафиксировать образ перерожденного трудом заключенного, а развернуть, конкретизировать его историю. Акцент постепенно смещается в сторону жанров, предполагающих повествование, поскольку оно давало больше содержательных возможностей в изображении лагерного производства и его ударника.

Литературность издания подчеркивалась наличием произведений всех родов. В отличие от главной газеты свободненского лагеря в «Литературу и искусство БАМлага» проникла драматургия. Ей было позволено гибче изображать шаблонных героев и освещать стандартизированные темы. Драматургии удалось слегка пошатнуть безапелляционную монологичность лагерной литературной системы, штрихом указать на иные содержательные послылы, зачастую идущие вразрез с тоталитарно-лагерным модусом. По-видимому, поэтому многоголосная по структуре драма с трудом приживалась в гулаговской литературе и крайне редко появлялась на страницах бамлаговской периодики.

Список литературы

Исследования

- 1 *Круглова Т.А.* Искусство соцреализма как культурно-антропологическая и художественно-коммуникативная система: исторические основания, специфика дискурса и социокультурная роль: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
- 2 *Смыковская Т.Е.* Литература на страницах главной газеты БАМлага «Строитель БАМа» // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 138–157. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-5-138-157

Источники

- 3 *Виноградов В.* Весна // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 4. С. 1.
- 4 *День в стахановской фаланге* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 10. С. 1–2.
- 5 *Дмитриев Л.* Праздник на Зее // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 4. С. 1.
- 6 *Живое слово* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 1. С. 1.
- 7 *Киркин Л.* Июнь // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 5. С. 1.
- 8 *Ковинько А.* Песня труда // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 1. С. 1.
- 9 *Ковинько А.* Чарли Чаплин // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 9. С. 2.
- 10 *Конкурс творчества* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 5. С. 1.
- 11 *Конкурс творчества продолжается* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 11. С. 1.
- 12 *Осуществить решения творческого слета* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 2. С. 1.
- 13 *О формализме и натурализме в литературе* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 2. С. 2.
- 14 *Сковородинская машина* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 3. С. 1.
- 15 *Стахановцы Зеи* // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 3. С. 1.
- 16 *Федоров К.* Большая радость // Литература и искусство БАМлага. 1936. Вып. 9. С. 2.

References

- 1 Kruglova, T.A. *Iskusstvo sotsrealizma kak kul'turno-antropologicheskaja i khudozhestvenno-kommunikativnaia sistema: istoricheskie osnovaniia, spetsifika diskursa i sotsiokul'turnaia rol'* [*The Art of Social Realism as a Culturally Anthropological and Artistically Communicative System: Historic Foundations, the Specifics of the Discourse and Socially Cultural Role: PhD thesis, summary*]. Ekaterinburg, 2005. 46 p. (In Russ.)
- 2 Smykovskaia, T.E. "Literatura na stranitsakh glavnoi gazety BAMlaga 'Stroitel' BAMa'." ["Literature Published in BAMlag's Main Newspaper 'Stroitel BAMa'."]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2019, pp. 138–157. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-5-138-157 (In Russ.)